

Е.Е. Евграшкина
(Самара, Россия / Трир, ФРГ)

СМЕРТЬ В РИМЕ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФОРМЫ

В статье исследуются литературные формы биографического мифа (смерть австрийской поэтессы и писательницы Ингеборг Бахман), рассматриваются особенности упомянутого мифа и возможности его (де)конструирования в контексте биографического жанра на материале нескольких биографических текстов и предисловий к произведениям Бахман, а также в ее эссе и поэтическом тексте.

Ключевые слова: Ингеборг Бахман, биография, миф, танатология, де-конструкция, литературные формы мифа: эссе, поэтический текст

В.В. Котелевская
(Россия, Ростов-на-Дону)

МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС И ЕГО ДИСКРЕДИТАЦИЯ В ПОВЕСТИ ТОМАСА БЕРНХАРДА ПЛЕМЯННИК ВИТГЕНШТЕЙНА

В статье рассматриваются приемы дискредитации медицинского дискурса в повести Томаса Бернхарда Племянник Витгенштейна (1982). Язык медицины критикуется писателем как репрессивный механизм по отношению к личности, которая спасается от «дисциплинарного пространства» в эксцентрике и творчестве.

Ключевые слова: австрийская список, кризис языка, медиализация, медицинский дискурс, Бернхард, Витгенштейн, Фуко

Медицина – та область социального надзора, с которой Томас Бернхард (1931-1989) был связан самыми тесными узами с юности до смерти. Попав в больницу семнадцатилетним подростком с подозрением на туберкулез (как выяснилось, с тяжелой формой плеврита, *eine schwere sogenannte nasse Rippenfellentzündung* [Bernhard 2011: 247]), он на всю жизнь оказался связан с миром болезни, клиники, с отношениями врач – пациент. Болезнь легких и сердца приобрела хронический характер, и в словаре Бернхарда для нее были уготованы номинации, обыгрывающие идею пожизненной участи больного: это антонимы *Todeskrankheit* и *Lebenskrankheit*, с разных экзистенциальных ракурсов указывающие на смертельную, неизлечимую болезнь, которая становится судьбой человека и маркирует всю его жизнь [Bernhard 2015]. Для Бернхарда одним из симптомов собственной «смертельной болезни», приписываемый многочисленным персонажам, был пожизненный «страх задохнуться» (*Angst zu ersticken*) – лейтмотив его прозы и драматургии.

«Мученичество неизлечимой болезни» особенно обострилось на стадии развития саркоидоза, когда Бернхард уже осознавал, что обречен [Höller 2011: 129]. Именно в этот период рождается повесть «Племянник Витгенштейна» (*Wittgensteinsneffe*, 1982), в которой писатель обращается к столь чуждой ему в раннем творчестве автобиографической, исповедально-экзистенциальной форме вымысла. Этот текст стоит в одном ряду с автофикциональной пенталогией, над которой Бернхард работал в 1970-1980-е гг. Однако существенными особенностями повести являются редукция биографической фабуляции и риторизация дискурса, обретающего черты судебного и эпидеяктического красноречия (собственно «биографическое», связанное с историей Пауля, разворачивается лишь с 73-й страницы, занимая в итоге ничтожно малую часть текста). В дискурсивной ситуации защиты и нападения, восхваления и уничижения медицинский «казус» Бернхарда / Пауля Витгенштейна получает статус приема наведения, т.е. индуктивного доказательства – примера и аналогии для аргументации автором его радикальной антимедиалистской позиции (анализ

риторических жанров и стратегий в «Племяннике Витгенштейна» см.: [Byron 2013]).

Протест бернхардовских альтер-эго против медицинского взгляда на человека (ср.: «Стужа», «Амрас», «Дыхание», «Холод», «Племянник Витгенштейна») связан с осознанием присущего медицине отчуждения, овеществления больного как «объекта» и его дегуманизации (см. об отражении «медикализации» культуры в литературе: [Русская литература и медицина 2006]). Концептуализация феномена *человек с позиции медицины* разрабатывается во второй половине XX века одновременно в художественном и научном дискурсе, чему подтверждение – работы Т. Парсонса, М. Фуко, Р. Лахманн, Р. Кезера и др.

Пожалуй, наиболее близкой Бернхарду можно считать позицию М. Фуко, исследовавшего истоки и формы институционализации болезни на рубеже XVIII-XIX вв. («болезнь в обществе очерчивается, блокируется, изолируется и размещается в привилегированных и закрытых областях или распределяется по местам лечения, приспособленным для того, чтобы этому благоприятствовать» [Фуко 1998: 40-41]). Именно ему принадлежит открытие аналогии медицины и языка, соотнесение сущности медицинского взгляда с проблемой номинации болезни, перевода симптомов в режим «знаков» [Фуко 1998: 143-151]. Диагностировать болезнь – значит, исчерпать означаемое в означающем («грамматика знаков заменила ботанику симптомов» [Фуко 1998: 20]), осуществить «идеал исчерпывающего описания»: «описательная строгость станет равнодействующей точности высказывания и правильности наименования» [Фуко 1998: 174], позволит трансформировать «индивидуальное в концептуальное» [Фуко 1998: 175].

Бернхард реинтерпретирует медицинский дискурс как такой тип высказываний о природе (больного) человека, в котором индивидуальная, неисчерпаемая правда об индивиде должна быть исчерпана в лексиконе диагностики (Фуко называет эту семиотическую процедуру сведения «сущности болезни» к именованию «номиналистической редукцией» [Фуко 1998: 182]). Развенчание недостоверности меди-

цинского дискурса смыкается у Бернхарда с критикой языка (Ницше, Гофмансталь, Маутнер, Витгенштейн, Беккет). Приемы дискредитации распределены по разным уровням поэтики, но функционируют в неразрывной художественной связи частей и целого – они работают не только в стилистическом (дискурсивном) плане, но и пронизывают фабулу, композицию мира персонажей и пространства. Вкратце они могут быть описаны следующим образом.

Структура мира персонажей антитетична. С одной стороны, выделяются анонимные «они» – иронично, а местами и саркастично сниженный коллективный образ врачей и медперсонала. Именно негативным портретом медиков открывается повесть о дружбе двух пациентов – автобиографического рассказчика и Пауля Витгенштейна, двоюродного племянника знаменитого философа. Лексика, характеризующая врачей, – негативно-оценочная: «безмозглость» (*Kopfllosigkeit*), *Hilflosigkeit* (беспомощность), *Inkompetenz* (некомпетентность), *Scharlatanerie*, *Scharlatanismus* (шарлатанство). Ироническая риторика, сближающая представителя «медицинской науки» (*die medizinische Wissenschaft*) с адептом сомнительной магии, используется в оценке некоего медицинского светила, к которому больше всего боится попасть на операционный стол Бернхард: «профессор», «эта медицинская знаменитость» (*diese medizinische Berühmtheit*), «чудотворец» (*Wunderwirker*). Пациенты неоднократно называются в повести «жертвой» (*Opfer*), а в отношении целителей своего друга, у которого обнаруживается «так называемое душевное расстройство», «душевная болезнь» (*sogenannte Geisteskrankheit*) и против которой те применяли «палочную и шокотерапию», рассказчик выдвигает обвинение: «они разрушили его» (*die Ärzte liessen ihn, nachdem sie ihn zerstört hatten* [Bernhard 2015: 56]).

Отчуждение между «жертвой» и врачом дискурсивно выражено также «бегством» медиков в латынь, которой, по мысли повествователя, они пытаются «защитить и обезопасить» прежде всего себя, а не больного [Bernhard 2015: 13-14]. Специализации медицины в латинском (мертвом!) языке противопоставлена «специализация» двух дру-

зей в музыке (*Musik, seine und meine erste und oberste Spezialität* [Bernhard 2015: 38]) – живом пространстве антисциентистского, иррационального, индивидуального мышления и дискурса.

Бессилие языка медицины определить сущность болезни Пауля разоблачается Бернхардом в созвучном Фуко понимании «номиналистической редукции», однако Бернхард доходит до радикального отрицания притязаний медицинской лексики на истинность, или, если проследить истоки, до ницшеанского разоблачения риторической «лжи» языка [Nietzsche 2015]: *Die sogenannten psychiatrischen Ärzte bezeichneten die Krankheit meines Freundes einmal als diese, einmal als jene, ohne den Mut gehabt zu haben, zuzugeben, dass es für diese wie für alle anderen Krankheiten auch, keine richtige Bezeichnungen gibt, sondern immer nur falsche, immer nur irreführende, weil sie es sich letzten Endes, wie alle anderen Ärzte auch, wenigsten durch immer wieder falsche Krankheitsbezeichnungen leichter und schliesslich auf mörderische Weise bequem gemacht haben* [Bernhard 2015: 13-14].

«Лживые наименования болезней», согласно обличительному пафосу Бернхарда, – свидетельство не только невозможности найти «правильные» обозначения для конкретно «этого» человеческого случая (доказательство бессилия языка), но и подтверждение «убийственной» практики и этики врачей. «Лживость» медицинского дискурса выявляется также в эвфемизации табуированных тем – в первую очередь, «смерти». В противовес бюрократизированному дискурсу больничных институций (*der Sektor der Lungenchirurgie, die Lungenabteilung, Operationssaal, normalisieren*) Бернхард выдвигает дискурс, функционирующий в модусе достоверности: «действительно», «в самом деле» (*wirklich; tatsächlich*), «в принципе» (*im Grunde*), «поистине» (*in Wahrheit*). Эта модальность обязывает рассказчика называть вещи своими именами: «павильон легочной хирургии» обозначен как «отделение, освященное смертью» (*todgeweihte Station*), «пациенты» – «кандидаты в покойники» (*Todeskandidate*) и т. п.

Итак, с одной стороны – репрессивное анонимное «они», с другой стороны – «мы», «жертвы», я-рассказчик и Пауль, к которым уси-

лием писательского воображения присоединен и Людвиг Витгенштейн. На микрокомпозиционном уровне (лексические, грамматические, синтаксические повторы) «философствующие», «обвинители» (*Philosophierende; Bezichtiger*) фигурируют или как «мы» (*wir; uns; uns beiden*), или в форме сравнения-тождества: «Paul... wie ich», «wie der Paul...», «auch mein Freund Paul», «er hatte dieselbe auch...», «seine und meine» и т. п.

Анонимное маркируется у Бернхарда негативно, индивидуальное – позитивно. Антитеза отчуждающе-унифицирующего дискурса медицины и индивидуального выражена также на уровне художественного пространства. Медицина изолирует субъекта, превращая его в объект (портрет обессилевшего, обездвиженного, привязанного к кровати Пауля пластически воплощает эту идею), в то время как музыка, любовь, философия, страсть к наблюдению вдохновляют человека на движение, преодоление границ (показателен эпизод с Паулем, севшим у дома в такси и велевшим везти его из Вены в Париж). Медикаментозной и репрессивной «нормализации» душевнобольного противопоставлена полная жизни эксцентрика Пауля. «Дисциплинарное пространство» изоляции [Фуко 1997: 27]. обрекает «пациентов» общаться на скамье между двумя павильонами, психиатрическим и хирургическим, замыкая пространство свободы.

Таким образом, медицинский дискурс дискредитируется на уровнях авторской философии языка, предметного мира и стилистики. Художественная логика реинтерпретирует «порядок» чужого дискурса, помещая его в контекст, искажающий исходные ценностные настройки. Мир медицины предстает у Бернхарда как репрессивный по отношению к личности, которая спасается от «дисциплинарного пространства» в мире эксцентрики и творчества.

Библиографический список

1. Русская литература и медицина: тело, предписания, социальная практика / под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. – М.: Новое изд-во, 2006.
2. Фуко М. Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998.

3. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – СПб.: Университетская книга, 1997.
4. Byron M. Scharfsinnige Sturzfluten bei Beckett und Bernhard // Wilm J., Nixon M. (Hg.). Samuel Beckett und die deutsche Literatur. – Bielefeld: transcript, 2013. – S. 139-155.
5. Bernhard Th. Wittgensteins Neffe. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2015.
6. Bernhard Th. Autobiographie. – St. Pölten – Salzburg: Residenz, 2011.
7. Höller H. Thomas Bernhard. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch, 2011.
8. Nietzsche F. Über Wahrheit und Lüge im aussermoralischen Sinn / Hrsg., kommentiert u. mit einem Nachwort vers. von K. Sina. – Stuttgart: Reclam, 2015.

V.V. Kotelevskaya
(Russia, Rostov on Don)

MEDICAL DISCOURSE AND ITS DEFAMATION IN THOMAS BERNHARD' WITTGENSTEIN'S NEPHEW

The article deals with methods of medical discourse' defamation in Thomas Bernhard's Wittgenstein's Nephew (1982). Language of medicine is critically viewed by the writer as the repression machinery, which is applied to the person who is escaping "disciplinary space" for eccentricity and creativity.

Keywords: Austrian literature, crisis of language, medicalization, medical discourse, Bernhard, Wittgenstein, Foucault